

На главную страницу
Новости
Информация о журнале
О главном редакторе
Подписка
Контакты

ЕВРАЗИЙСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

English

- Тематика журнала
- Текущий номер
- Анонс
- Список номеров
- Найти
- Редакционный совет
- Редакционная коллегия
- Представительства журнала
- Правила направления, рецензирования и опубликования
- Научные дискуссии
- Семинары, конференции

Проблемы современной экономики, N 1 (81), 2022

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Протасов А. Ю.

зав. кафедрой экономической теории, экономического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат экономических наук

Возможно ли было сохранить СССР (по мотивам статьи М.И. Кротова «Распад СССР и Беловежское соглашение в исторической памяти»)

В статье представлен взгляд на природу и причины распада СССР. В частности, показана роль социальных, экономических, институциональных, политических и идеологических факторов, способствовавших разрушению социально-экономической и политической систем СССР. Дана количественная оценка социально-экономических проблем в СССР во второй половине 1980-х годов. Обосновано, что возможность сохранения СССР существовала до того момента, пока не произошла метаморфоза внутри властных элит СССР, связанная с их готовностью пойти на размен власти на собственность

Ключевые слова: СНГ, распад СССР, Беловежское соглашение, безопасность, конкурентоспособность, суверенное государство, государственная независимость, федеративное государство, модель экономики, общественный договор, властные элиты

УДК 339.924; ББК ТЗ(2)74-3; 65.03 Стр: 19 - 21

Прошло тридцать лет с того момента, когда в особняке правительственной дачи «Вискули» в центре Беловежской пуши главы Республики Беларусь, России и Украины подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств в преамбуле которого констатировалось «... что Союз ССР как субъект международного права и геополитической реальности, прекращает свое существование» [8]. В статье профессора М.И. Кротова, посвященной этому событию, подробно проанализированы различные точки зрения на политические, экономические и идеологические причины распада СССР и дана объективная политико-экономическая оценка роли Беловежского соглашения в последующем историческом развитии бывших республик СССР [10]. Следует отметить, что постоянное возвращение отечественной и мировой общественно-научной мысли к переосмыслению произошедшей трагедии не случайно и свидетельствует о неудовлетворенности общества в объяснении событий тридцатилетней давности, в частности, в объективности оценок о неизбежности краха советской модели социально-экономического устройства.

В продолжение рассуждений М.И. Кротова целесообразно было бы поставить вопрос о том, возможно ли было сохранить СССР в тех социально-экономических условиях, в которых он оказался к тому времени, извлекая из расхождений в ответе на него уроки для современной России, которая, судя по всему, с начала XXI века стоит перед цивилизационным вызовом, исходящим со стороны коллективного Запада.

Стоит сразу же оговориться, что к 1991 году СССР вступил в фазу полномасштабного межсистемного кризиса, который выражался в критическом состоянии экономики, глубочайшей стагнации политической системы, раскаленных до предела международных отношениях, параде суверенитетов, идеологическом тупике, связанном с отказом от идеал социалистической модели экономики и разрушении «становой хребта» осуществления государственной власти в стране — коммунистической партии (КПСС). Все эти признаки глубочайшего кризиса, дополненные изощренным политическим давлением западных стран, которые использовали тяжелое социально-экономическое положение СССР в своих интересах, не давали серьезных шансов на сохранения страны. Вместе с тем, условия для формирования такого кризиса возникли задолго до проявления его симптомов, что говорит о существовавшей в предкризисный период возможности сохранения страны, при проведении разумной социально-экономической политики.

Сегодня существуют самые разные версии причин развала СССР (экономические, политические, идеологические, военные и международные), среди которых целесообразно выделить наиболее правдоподобные, подчиняющиеся логическому обоснованию и эмпирической проверке. В частности, известный венгерский экономист Я. Корнай считал, что СССР распался вследствие неэффективности советской модели плановой экономики, связанной с диспропорциями экономического развития, системой административных цен, мягкими бюджетными ограничениями и тотальным товарным дефицитом [9].

Другая версия связывает распад СССР с имперским государственным устройством страны, основанном на национальном суверенитете входящих в него республик, где «нерушимость их союза» обеспечивалась за счет метрополии (РСФСР), которая жила хуже, чем периферия. Такая ситуация возникла в результате сформировавшегося в СССР механизма «сепаратора», суть которого заключалась в непропорциональном перераспределении доходов между РСФСР и остальными союзными республиками, в пользу последних [17].

К этой версии примыкают исследования, в которых обосновываются институциональные причины распада СССР. В частности, А. Аузан обосновывает конец советской империи разрушением общественного договора между государством и обществом. Если в тоталитарном обществе общественный договор характеризовался тем, что большинство людей практически все свои личные права и даже свободы с готовностью отдавали в обмен на свой личный рост и экономический рост страны, то в период с 1960-х гг. и до конца 1980-х гг. такая модель общественного договора постепенно эволюционировала в сторону формального предоставления людям гражданских прав, свобод и социальных гарантий, которые на деле оказались не подкреплены никакими реальными правами и свободами [3]. По сути, такой договор перестал существовать к концу 1980-х гг. Это означало, что общество перестало верить основным институтам власти и распад страны был предreshen. Отметим, что институциональные несовершенства социалистического устройства экономической системы в качестве фундаментальной причины распада СССР видели и предсказывали многие видные экономисты прошлого и настоящего — от Л. Мизеса [11] и Ф. Хайека [18] до А. Ослунда [15], Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон [1].

Интересным представляется нестандартный взгляд на фундаментальные причины коллапса СССР Г. И. Ханина, который увязывает их с «интеллектуальной и политической неподготовленностью советского общества к назревшим изменениям» [19].

Экономические и политические преобразования рыночно-капиталистической направленности во второй половине 1980-х гг. (введение хозрасчета, законодательное закрепление права на ведение индивидуальной трудовой деятельности, закон об арендном договоре, отказ от руководящей роли партии и др.), как показала история, не смогли обеспечить макроэкономической стабилизации, а заявленные руководством страны конечные задачи перестройки (ускорение экономического развития, научно-технического прогресса и повышение жизненного уровня населения), были выполнены с точностью до наоборот. О чем это говорит? Отвечая на этот вопрос, можно предположить, что попытка реформирования той модели советской экономики с государственной собственностью, централизованным планированием и системой партийно-бюрократического номенклатурного управления с целью ее сохранения с помощью рецептов рыночной трансформации оказалась для советского общества и партийно-государственной элиты того периода неприемлемой.

В данном контексте рассуждений интересны доводы В.Т. Рязанова по поводу того, почему социализм было трудно лечить капитализмом. В частности, он напоминает, что попытка в СССР в чистом виде воспроизвести модель социально-экономического устройства на принципах социалистического хозяйствования в сочетании с безденежной организацией обмена и уравнивательности в распределении (что, кстати, является ее существенными отличительными признаками от рыночно-капиталистических систем) закончилась неудачей. В результате произошло отступление от идеальной модели социалистического устройства хозяйства, в частности была восстановлена система денежного обращения, а сформировавшийся в стране «реальный социализм» сочетал в себе черты как социалистической, так и капиталистической моделей устройства с имитацией принципов рыночной экономики. С теоретической точки зрения модель, имитирующая оригинал в его урезанном виде, всегда оказывается хуже своего прототипа. В результате, заложенный в основу советской социально-экономической модели гибридный образ социалистического и капиталистического хозяйственного механизма, названный в свое время А.В. Бузгалиным «мутантным социализмом» [4], в конечном

итоге саморазрушился [16].

В качестве контраргумента приведенным рассуждениям о саморазрушении СССР часто приводят пример китайского пути трансформации социалистической экономики в планово-рыночную систему без потери управляемости и без радикальной реформы политической системы. В данном случае, если проводить аналогию с китайскими реформами, то в своей первоначальной фазе реформы М.С. Горбачева 1985–1986 годов носили экономический характер и чем-то напоминали опыт Китая. Однако, по своему содержанию, это была не полномасштабная реформа, направленная на переход к рынку с сохранением политической системы управления и государственной идеологией, а попытка предоставить большую самостоятельность государственным предприятиям, прежде всего относящимся к отраслям промышленного производства, с целью повышения заинтересованности трудовых коллективов в результатах своей работы, что создавало бы условия для ускорения экономического развития страны, в сочетании с мерами по децентрализации управления экономикой, но сохранением государственной собственности.

Результаты этих реформ описаны в многочисленных исследованиях, отметим лишь некоторые из них. Прежде всего — это существенное увеличение государственных капиталовложений в отраслях промышленности. В условиях преимущественно экстенсивного типа советской экономики, исчерпавшей свой потенциал возможностей и не позволявшей больше получать требуемую норму отдачи от капиталовложений в этих отраслях, реформа привела к обратным результатам — неустойчивым темпам роста с тенденцией к затуханию, росту инфляционных процессов, снижению производительности труда и проблемам с государственным бюджетом. По сути дела, налицо была тенденция нарастания диспропорций между совокупным спросом и совокупным товарным предложением, на что обращает внимание в своей работе М.И. Кротов (табл. 1).

Таблица 1

Динамика основных макроэкономических показателей экономического развития СССР в 1985–1991 гг.

Показатели	Годы						
	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Национальный доход (% к предыдущему году)	101,6	102,3	101,6	104,4	102,5	96,0	85,0
Темпы инфляции в потребительском секторе (%)	5,7	6,2	7,3	8,4	11,0	23,1	783,8
Инфляция по официальным данным (%)	—	—	—	—	7,5	19,0	140
Рост заработной платы (% к предыдущему году)	2,4	2,9	3,7	8,3	9,4	10,0	70
Рост денежных доходов (% к предыдущему году)	3,7	3,6	3,9	9,2	13,1	17,3	89,8
Производительность труда, ВВП на одного занятого (%)	100	—	—	—	—	—	73,7
Реальные инвестиции (% к предыдущему году)	-1,7	+4,9	+5,7	-7,4	-6,7	-20,0	-25,0
Дефицит государственного бюджета (%)	1,79	5,69	6,36	9,21	8,74	5,8	14

Рассчитано по: [2; 13; 14; 20]

Китайские же реформы 1978–1979 гг., в отличие от опыта СССР, начались с масштабных преобразований в аграрной сфере, направленных на деколлективизацию сельского хозяйства. Этот путь, с одной стороны, не требовал больших государственных расходов, а с другой, — позволил быстро наладить продовольственное снабжение населения. В свою очередь, накопление финансовых ресурсов в аграрном секторе стало в последующем важным источником финансирования реформ в промышленном секторе Китая [6].

Почему в СССР был сделан выбор в пользу реформы в промышленности, а не в сельском хозяйстве? Наиболее вероятная причина — это следование старому принципу опережающего развития отраслей промышленности, заложенному в период индустриализации страны. Был ли такой выбор ошибкой? В какой-то степени да, учитывая нарастающие проблемы с дефицитом продовольствия в стране (рис. 1). Однако, даже если представить, что в качестве исходного сектора для осуществления экономических реформ в СССР было бы выбрано сельское хозяйство, то вряд ли можно было ожидать того положительного эффекта, которого добился Китай, хотя бы потому, что в Китае доля сельского населения в 1980 году была существенно выше, чем в СССР (80,6% против 30,2%) [5]. Советская экономическая модель нуждалась в комплексном реформировании.

Итак, если исходить из того факта, что в СССР преобладал экстенсивный тип экономического развития, потенциал которого к 1980-м годам оказался исчерпанным и вследствие этого, опираясь на постулаты экономической теории, реформы должны были быть направлены на смену типа экономического развития, в частности, на интенсивный вариант осуществления хозяйственной деятельности, путем внедрения достижений научно-технического прогресса. Тогда возникает вопрос, почему провозглашаемый абсолютно верный лозунг об ускорении и интенсификации экономического развития оказался не реализованным на деле?

Ответ следует искать не в экономической модели СССР, а в особенностях изменений в характере советской партийно-хозяйственной элиты, которая распорядилась от имени общества государственной собственностью и ресурсами. На протяжении всей истории СССР существовал конфликт между партийной и хозяйственной номенклатурой относительно власти и управления страной [12]. В этой борьбе долгое время верх одерживала партийная номенклатура. Но когда во второй половине 1980-х гг. стало очевидно, что советская модель экономики нуждается в коренном реформировании, включая задействование рыночных механизмов регулирования хозяйственной деятельности и институциональные преобразования в системе отношений собственности, то в этом долговременном конфликте победу одержала та часть номенклатурных групп советской элиты, которая посчитала возможным конвертацию централизованной политической власти в собственность экономическую. «Старая» элита, придерживавшаяся традиционной советской идеологии и сыгравшая по сути дела роль стопора в реализации экономических реформ, проиграла в этом конфликте.

Процесс легитимизации личного (частного) контроля над государственной собственностью оказался возможным при условии разрушения политического и идеологического барьера на его пути — КПСС, подрыв которой повлек крушение всех остальных институтов централизованного управления в стране, рост националистических настроений и «парад суверенитетов». Эти события предreshили распад СССР и гибель гибридной системы «реального социализма». Анализируя политические и экономические процессы тридцатилетней давности, заметим, что ни элита и ни существовавшие институты власти не были готовы эффективно решать назревшие социально-экономические проблемы, они оказались просто не готовы к этому.

Таким образом, исходя из сказанного и возвращаясь к вопросу о возможности сохранения СССР отметим, что такая возможность, хотя бы в ее урезанном виде (без прибалтийских республик), оставалась до тех пор, пока не произошла метаморфоза внутри властных элит — ее готовность пойти на размен власти на собственность.

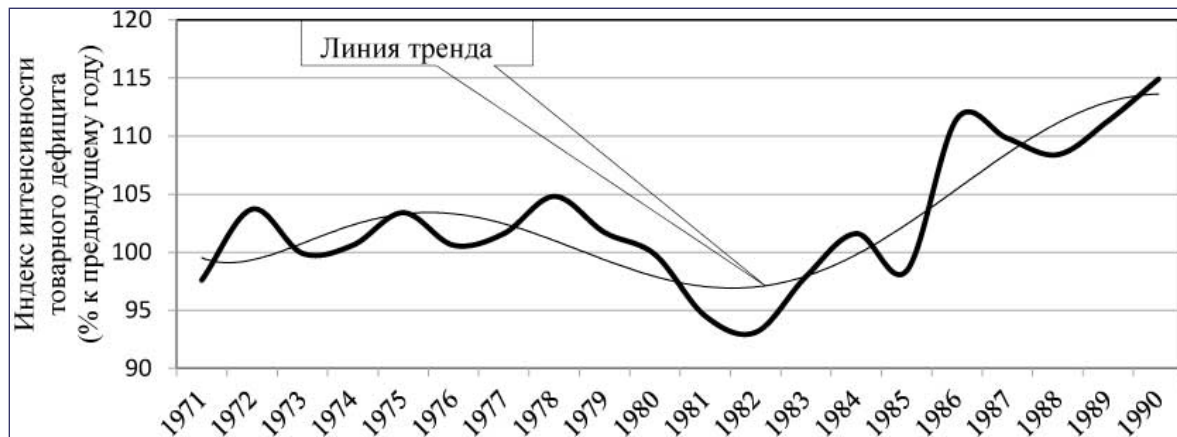

Рис. 1. Индекс интенсивности товарного дефицита в экономике СССР в 1970–1990 гг.

Рассчитано по: [7; 14]

Итак, если исходить из того факта, что в СССР преобладал экстенсивный тип экономического развития, потенциал которого к 1980-м годам оказался исчерпанным и вследствие этого, опираясь на постулаты экономической теории, реформы должны были быть

направлены на смену типа экономического развития, в частности, на интенсивный вариант осуществления хозяйственной деятельности, путем внедрения достижений научно-технического прогресса. Тогда возникает вопрос, почему провозглашаемый абсолютно верный лозунг об ускорении и интенсификации экономического развития оказался не реализованным на деле? Ответ следует искать не в экономической модели СССР, а в особенностях изменений в характере советской партийно-хозяйственной элиты, которая располагалась от имени общества государственной собственностью и ресурсами. На протяжении всей истории СССР существовал конфликт между партийной и хозяйственной номенклатурой относительно власти и управления страной [12]. В этой борьбе долгое время верх одерживала партийная номенклатура. Но когда во второй половине 1980-х г. стало очевидно, что советская модель экономики нуждается в коренном реформировании, включая задействование рыночных механизмов регулирования хозяйственной деятельности и институциональные преобразования в системе отношений собственности, то в этом долговременном конфликте победу одержала та часть номенклатурных групп советской элиты, которая посчитала возможным конвертацию централизованной политической власти в собственность экономическую. «Старая» элита, придерживавшаяся традиционной советской идеологии и сыгравшая по сути дела роль стопора в реализации экономических реформ, проиграла в этом конфликте. Процесс легитимизации личного (частного) контроля над государственной собственностью оказался возможным при условии разрушения политического и идеологического барьера на его пути — КПСС, подрыв которой повлек крушение всех остальных институтов централизованного управления в стране, рост националистических настроений и «парад суверенитетов». Эти события предрешили распад СССР и гибель гибридной системы «реального социализма». Анализируя политические и экономические процессы тридцатилетней давности, заметим, что ни элита и ни существовавшие институты власти не были готовы эффективно решать назревшие социально-экономические проблемы, они оказались просто не готовы к этому. Таким образом, исходя из сказанного и возвращаясь к вопросу о возможности сохранения СССР отметим, что такая возможность, хотя бы в ее урезанном виде (без прибалтийских республик), оставалась до тех пор, пока не произошла метаморфоза внутри властных элит — ее готовность пойти на размен власти на собственность.

Список использованных источников:

1. Аджемоглу Д., Дж. А. Робинсон. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. — М. АСТ, 2015.
2. Акулов В.Б. Кейнсианская модель макроэкономического регулирования. — СПб., 1993. — С.123–124.
3. Аузан А. Мы так не договаривались. / Esquire. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://esquire.ru/archive/1858-auzan/#part0>
4. Бузгалин А.В. Социализм: уроки кризиса // Альтернативы. — 1994. — Вып. 2(5). — С. 4–30.
5. Всемирный банк. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/home> (дата обращения: 25.01.2022).
6. Ворожейкина Т. Альтернативы для СССР // Ведомости. 16.12.2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/16/669922-alternativi-sssr> (дата обращения: 28.01.2022).
7. Зотов В. Дефицитные циклы и «длинные волны» развития // Проблемы Дальнего Востока. — 1990. — № 6.
8. Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://e-cis.info/page/3373/79405/>. (дата обращения: 27.01.2022).
9. Корнаи Я. Дефицит. — М.: Наука, 1990.
10. Кротов М.И. Распад СССР и Беловежское соглашение в исторической памяти // Проблемы современной экономики. — 2021. — № 4. — С. 6–12.
11. Мизес Л. Социализм: Экономический и социологический анализ. — М.: Catallaxy, 1994.
12. Мохов В.П. «Предательство элит» как социальный феномен в дискуссиях о распаде СССР // Теория и практика общественного развития. 2015.
13. Народное хозяйство СССР в 1989 г. — М.: Финансы и статистика, 1990.
14. Народное хозяйство СССР в 1990 г. — М.: Финансы и статистика, 1991.
15. Ослунд А. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. — М.: Логос, 2003.
16. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. — СПб.: Наука, 1998. — С. 422–423.
17. Сысоев Т. Что скрывается за мифами о распаде Советского Союза // Эксперт. № 1 — 2. 20.12.2021 — 16.01.2022. — С. 88–92.
18. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. — М.: Новости, 1992.
19. Ханнин Г.И. Экономическая история России в новейшее время в 2 т. — Изд-во НГТУ, 2010. Т. 2. — С. 359.
20. Экономика и жизнь. — 1990. — №6.

[Вернуться к содержанию номера](#)

Copyright © Проблемы современной экономики 2002 - 2022

ISSN 1818-3395 - печатная версия, ISSN 1818-3409 - электронная (онлайн) версия